

Библейско-богословская коллекция
Патрологическая серия

Деревицкий А.

ПЛУТАРХ ХЕРОНЕЙСКИЙ И СВ. ВАСИЛИЙ ВЕЛИКИЙ

Вера и разум, 1885, I, № 2, с. 1-27

© Сканирование и создание электронного варианта:
издательство «Аксион эстин» (www.axion.org.ru), 2009

Аксион эстин
Санкт-Петербург
2009

ПЛУТАРХЪ ХЕРОНЕЙСКІЙ

и

СВ. ВАСИЛІЙ ВЕЛИКІЙ.

(ОПЫТЪ ПРАВОСЛАВНЫХЪ ОТНОШЕНІЙ ХРИСТИАНСТВА КЪ ФИЛОСОФІИ).

Четвертый вѣкъ нашей эры есть по преимуществу вѣкъ ожесточенной борьбы различныхъ религіозныхъ ученій и догматовъ. Христіанство борется съ язычествомъ и іудайзмомъ, да и въ средѣ самихъ христіанъ одна за другою возникаютъ многочисленныя секты, расходящіяся между собою въ пониманіи основныхъ истинъ религіи и ведущія нескончаемые споры о природѣ и личныхъ свойствахъ Божества, о взаимномъ отношеніи лицъ Св. Троицы, о тайнѣ воплощенія и т. п. догматическихъ вопросахъ. Постепенно эти споры принимаютъ все болѣе и болѣе страстный характеръ, разногласіе сектантовъ переходитъ въ открытую вражду, а эта вражда даетъ поводъ къ столкновеніямъ, нерѣдко разрѣшающимся кровавыми событіями. Перевѣсъ въ борьбѣ обыкновенно выпадаетъ на долю той партіи, которая имѣетъ за себя авторитетъ императора, но на императорскомъ престолѣ смѣняются лица, слѣдующія самымъ противоположнымъ направленіямъ, и эти смѣны каждый разъ влекутъ за собою всѣ крайности реакціи. Миланскій эдиктъ, повидимому, даровалъ полную свободу всѣмъ культамъ, призналъ полное равенство за всѣми исповѣданіями, но уже черезъ два года послѣ него (315 г.) были вновь восстановлены во всей силѣ эдикты Веспасіана и Се-

вера, запрещавшіе римскимъ гражданамъ переходъ въ іудейство, а съ 325 года, со времени Никейскаго собора, манихеи, донатисты, аріане и другіе еретики начинаютъ подвергаться преслѣдованію со стороны правительства, какъ *мятежники и враги государства* ¹⁾. При Констанціи это преслѣдованіе распространяется и на язычниковъ. Онъ не довольствуется конфискаціей ихъ храмовыхъ сокровищъ подобно своему предшественнику, но ниспровергаетъ самыя храмы языческихъ божествъ и налагаетъ запрещеніе на публичное отправленіе ихъ культа. Вслѣдъ за нимъ на престолъ восходитъ Юліанъ, съ воцареніемъ котораго паганизмъ вновь подымаетъ голову. Юліанъ, въ противоположность Констанцію, беретъ подъ свое покровительство языческія школы, обновляетъ павшія и опустѣлыя капища, во многихъ городахъ предаетъ христіанскіе церкви огню, либо обращаетъ ихъ въ языческіе храмы, воздвигаетъ на кесарійскихъ христіанъ гоненіе за то, что они осмѣливаются разрушить святилище Фортуны, не щадитъ даже язычниковъ, оставшихся безучастными къ этому поступку христіанъ, и тѣшится странною мечтою, на началахъ alexandрійскаго мистицизма и теургіи Ямблиха, влить новую жизнь въ омертвѣлыя формы греческаго политеизма и даже всѣ религіи древняго міра соединить въ общемъ культѣ царя-Солнца. Ранняя смерть разрушаетъ всѣ его планы, и власть послѣ непродолжительнаго правленія Іовіана переходитъ къ Валентиніану и его брату и соправителю Валенту. Послѣдній изъ этихъ государей беретъ на себя обязанность защитника и даже апостола аріанства, съ проповѣдниками этой ереси предпринимаетъ походъ на востокъ для обращенія въ аріанство всѣхъ приверженцевъ другихъ ученій и преслѣдуетъ свою задачу съ слѣпкою ревностью фанатика. Наконецъ Феодосій Великій въ своей религіозной политикѣ рѣшительно становится на сторону строгаго православія, предпринимаетъ цѣлый рядъ мѣръ къ окончательному подавленію ереси Арія и въ то же время наноситъ послѣдній ударъ язычеству. Онъ частью закрываетъ, частью совершенно уничтожаетъ языческіе храмы,

¹⁾ Codex Theodos. XVI, 5, .1, a. 326.

еще не тронутые его предшественниками, прекращаетъ жертвоприношеніе языческимъ божествамъ, ниспровергаетъ ихъ алтари, а упорныхъ приверженцевъ политеизма приказываетъ клеймить какъ преступниковъ, и вообще подвергаетъ самому беспощадному преслѣдованію.

Естественно, что при такихъ постоянныхъ колебаніяхъ, при такой непрерывной борьбѣ религиозныхъ ученій,—борьбѣ, увлекающей всѣ классы общества, всѣ сословія и состоянія, раздѣляющей все государство на нѣсколько враждебныхъ другъ другу партій, примѣры дикихъ проявленій фанатическаго ожесточенія были нерѣдки. Если Юліанъ обрекалъ христіанское юношество на косьніе въ грубомъ невѣжествѣ, запрещая христіанскимъ реторамъ и грамматикамъ читать лекціи въ общественныхъ школахъ, жегъ церкви и не отступалъ даже предъ союзомъ съ іудеями, которымъ обѣщаль разныя льготы и милости въ томъ случаѣ, если они стануть оказывать ему поддержку въ борьбѣ съ христіанами, то и христіане въ свою очередь не всегда могли воздержаться отъ насилія и въ пылу неразумнаго рвенія къ вѣрѣ за одно съ капищами языческихъ божествъ, съ ихъ изображеніями и принадлежностями ихъ культа, нерѣдко безжалостно истребляли и находившіяся при храмахъ книгохранилища, какъ это напримѣръ произошло въ Александріи при разрушеніи храма Сераписа въ царствованіе Θεодосія II и Валентиніана III. Къ счастью для науки фанатическое ослѣпленіе невѣжественной толпы встрѣчало энергическое противодѣйствіе со стороны выдающихся Отцевъ Церкви, которые, помня завѣтъ апостола „вразумлять безчинныхъ“, старались всячески воспрепятствовать безсмысленному вандализму. Ратуя противъ язычества, противъ безнравственности и грубости языческихъ культовъ, они однако вовсе не находили опаснымъ для вѣры или благочестія читать языческихъ поэтовъ, ораторовъ или историковъ, изучать глубокомысленныя теоріи древнихъ философовъ и естествоиспытателей. Мало того, многіе изъ знаменитѣйшихъ представителей православія ознакомленіе со свѣтскою наукою и изученіе великихъ образцовъ поэтическаго творчества и философскаго мышленія считали даже необходимою пропедев-

тикою для надлежащаго пониманія книгъ Св. Писанія, и со всею силою слова боролись съ тѣми ревнителями чистоты-христіанскаго ученія, которые хотѣли ограничить умственное образованіе юношества однимъ только изученіемъ слова Божія. „Надобно-ли презирать небо, землю и воздухъ“, говоритъ св. Григорій Назіанзинъ, „за то, что они служили предметами поклоненія для людей, которые вмѣсто Бога чтили тварь Бога? Не будемъ же презирать и науку потому только, что инѣмъ она не нравится, и почтемъ враговъ ея людьми грубыми и невѣжественными. Имъ хотѣлось бы, чтобы весь міръ походилъ на нихъ, дабы ихъ невѣжество могло скрыться въ общемъ невѣжествѣ“ ¹⁾. Св. Василій Великій посвятилъ даже цѣлый трактатъ этому вопросу, задавшись мыслию доказать, что свѣтской наукѣ по отношенію къ богословію опредѣлена роль служебная, что при добромъ желаніи и умѣннѣмъ надлежащимъ образомъ пользоваться ими и изъ языческихъ сочиненій можно извлечь многое для вѣры и благочестія, что въ рукахъ мастера они могутъ даже служить къ вѣщшему торжеству богооткровенной истины. По его словамъ, мы не сразу бываемъ въ состояніи уразумѣть великій и полный таинственной глубины смыслъ священныхъ писаній; „но, пока по возрасту не можемъ изучать глубину смысла ихъ, мы и въ другихъ писаніяхъ, не вовсе отъ нихъ далекихъ, упражняемъ на время духовное око, какъ въ нѣкоторыхъ тѣняхъ и зеркалахъ, подражая упражняющимся въ дѣлѣ ратномъ, которые, приобрѣтая опытность въ ловкомъ движеніи рукъ и ногъ, выгодами этой игры пользуются въ самыхъ битвахъ“ ²⁾. Существуетъ ли между наукою свѣтскою и ученіемъ божественнымъ какое либо взаимное средство, или нѣтъ,—Василій Великій находитъ во всякомъ случаѣ для христіанина знакомство съ первою необходимымъ; даже при отсутствіи такого средства по-

¹⁾ Sancti Gregorii Nazianzeni opera, ed. Billii, t. 1, p. 324.

²⁾ „Творенія св. Отцевъ въ русскомъ переводѣ, издаваемыхъ при Московской духовной академіи“. М. 1846. Томъ VIII, стр. 346. Подлинный текстъ этого жѣста см. въ изданіи Garnier „Sancti Basilii opera“, Parisiis, 1721—1730. t. II, p. 174. Приводя для удобства русскихъ читателей всѣ Belegstellen по означенному переводу, я позволяю себѣ изрѣдка замѣнять устарѣлыя выраженія его болѣе новыми.

лезно изучать различія обоихъ ученій, сравнивая ихъ между собою и воочію убѣждаясь въ превосходствѣ лучшаго ¹⁾. Это—школа, въ которой вѣрнѣе умъ, развивается способность сужденія, закаляется нравственное чувство. Впрочемъ онъ скорѣе склоняется къ признанію, нежели къ отрицанію тѣсной связи между свѣтскою наукою и богословіемъ. По его мнѣнію, первая служитъ украшеніемъ втораго, подготавливаетъ къ нему,—такъ сказать, прокладываетъ къ нему путь, вводитъ въ его изученіе. „Конечно, собственное превосходство дерева“, говоритъ онъ,—„изобиловать зрѣлыми плодами, но оно носитъ на себѣ и нѣкоторое украшеніе,—листы, колеблющіеся на вѣтвяхъ; такъ и въ душѣ истина есть преимущественный плодъ, но не лишена пріятности и то, если облечена душа внѣшнею мудростью, какъ листьями, которые служатъ покровомъ плоду и сообщаютъ дереву пристойный видъ. Почему говорится, что и тотъ славный Моисей, котораго имя за мудрость у всѣхъ людей было весьма возвеличено, сперва упражнялъ умъ египетскими науками, а потомъ приступилъ къ познанію Суцаго ²⁾. А подобно ему и въ позднѣйшія времена о премудромъ Данилѣ повѣствуется, что онъ въ Вавилонѣ изучилъ халдейскую мудрость и тогда уже коснулся божественныхъ уроковъ“ ³⁾.

Отцы Церкви, на слова которыхъ я ссылаюсь, и сами воспитались на образцовыхъ писателяхъ древности. Василій Великій былъ почитателемъ Платона и Плутарха, Іоаннъ Златоустъ прекрасно изучилъ Демосеена, которому старался подражать, Григорій Назіанзинъ слагалъ свои гимны по образцу Каллимаха. Въ ихъ сочиненіяхъ, выдающихся какъ-бы свѣтлыми точками на общемъ безцвѣтномъ фонѣ греческой послѣ-классической литературы, насъ неожиданно поражаетъ то же рѣдкое сочетаніе необыкновенной силы слова съ внѣшнимъ изяществомъ и прелестью выраженія, та же глубина мысли,

¹⁾ Твор. VIII, стр. 347.—Garnier, t. II, p. 175.

²⁾ На примѣръ Моисея св. Василій Великій ссылается и въ другомъ мѣстѣ,—именно въ началѣ своего „Шестоднева“. Тотъ же примѣръ приводятъ и святой Іустинъ (*cohortatio ad gentes*) и Климентъ Александрійскій (*Strom.*).

³⁾ Garnier, l. s. 1.—Твор. въ прив. м.

тоже чувство мѣры и красоты, которымъ мы удивляемся въ произведеніяхъ греческихъ классиковъ. Древней Греціи выпала великая миссія служить для всѣхъ вѣковъ наставницею и воспитательницею отдѣльныхъ личностей и цѣлыхъ народовъ. Подпавши римскому владычеству, она, по мѣткому выраженію латинскаго поэта, плѣнила своихъ суровыхъ побѣдителей и въ грубый Лаціумъ внесла плоды своей цивилизаціи. Презираемый и унижаемый *graeculus* (гречинъ) сдѣлался учителемъ гордаго римлянина, греческій языкъ сталъ органомъ мысли образованныхъ классовъ римскаго общества, и на образцахъ греческой литературы создавалась литература римская. Позднѣе подъ вѣліемъ греческихъ же идеаловъ зародилось на западѣ и то великое движеніе, которое извѣстно подъ именемъ возрожденія наукъ и искусствъ и которое отмѣтило собою начало новаго періода въ жизни человѣчества. Въ наше время изученіе греческихъ классиковъ полагается въ основаніе такъ называемаго гуманитарнаго образованія и признается однимъ изъ самыхъ важныхъ воспитательныхъ средствъ. Какъ Антей, прикасаясь къ землѣ, всякій разъ обрѣталъ въ этомъ прикосновеніи новый приливъ силъ, такъ въ произведеніяхъ древнегреческихъ мастеровъ цѣлыя сотни людскихъ поколѣній не переставали черпать великія идеи, становившіяся источникомъ и ихъ собственной плодотворной дѣятельности.

Въ четвертомъ вѣкѣ по Р. Х., когда жилъ и дѣйствовалъ св. Василій Великій, традиции прошлаго въ Греціи еще не умерли. Въ школахъ, какъ и въ пору былой свободы и процвѣтанія греческихъ государствъ, средоточіемъ всѣхъ научныхъ занятій было изученіе классиковъ, преимущественно же Гомера, съ котораго учебный курсъ начинался и которымъ заканчивался, который подлинно былъ альфа и омега свѣтской науки. По Гомеру обучались дѣти чтенію, его поэмы давали имъ неистощимый матеріалъ для заучиванія науизустъ, его герои наставляли ихъ въ правилахъ нравственности и житейской мудрости, его стихи служили темами для грамматическихъ и риторическихъ упражненій. Словомъ, та роль, которая выпала на долю Виргилія въ школахъ европейскаго запада, на востокѣ всецѣло принадлежала Гомеру. Въ немъ

видѣли идеалъ мудрости, добродѣтели, художественной красоты. Василій Великій, со словъ какого-то знатока гомерическаго эпоса,—быть можетъ, Либанія, лекціи котораго онъ слушалъ вмѣстѣ съ Юліаномъ (впослѣдствіи императоромъ) въ Аѳинахъ,—прямо заявляетъ, что „все стихотвореніе Гомерова есть похвала добродѣтели, и все у Гомера кромѣ придаточнаго ведетъ къ сей цѣли“¹⁾. Такимъ образомъ на него смотрѣли почти исключительно какъ на учителя нравственности и сообразно съ тѣмъ пріучались толковать его поэмы не столько съ эстетической, сколько съ эгической стороны. За Гомеромъ слѣдовало изученіе Гезіода, трагиковъ, Геродота, Фукидида и славнѣйшихъ аттическихъ ораторовъ. По образцу послѣднихъ молодые люди учились писать и произносить рѣчи. На тѣхъ пунктахъ, въ которыхъ усматривали особенно глубокой философскій или моральный смыслъ, останавливались съ преимущественнымъ вниманіемъ и нерѣдко посвящали имъ цѣлыя спеціальныя трактаты. Этой школьной привычѣ къ экзегетическимъ упражненіямъ мы обязаны, между прочимъ, столь раннимъ и высокимъ развитіемъ богословской герменевтики, блестящимъ результатомъ котораго являются многочисленные экзегетическія труды Оригена, Евсевія, Василія Великаго, Іоанна Златоуста и др. Умъ, навыкшій въ школѣ не пропускать ни одной мысли, ни одного слова изучаемаго автора безъ того, чтобы не дать себѣ полнаго отчета въ прочитанномъ, не могъ относиться иначе и къ чтенію Св. Писанія, за научное изученіе котораго христіанскіе юноши принимались по окончаніи курса свѣтскихъ наукъ. Въ священныхъ книгахъ, какъ въ гомерическихъ стихотвореніяхъ, не довольствовались они прямымъ, непосредственнымъ значеніемъ словъ, но старались проникнуть мыслью до самаго глубокаго, сокровеннаго, таинственнаго смысла ихъ и дать имъ самое широкое и общее толкованіе. Въ ту пору эклектизма, о которой идетъ рѣчь, богословіе и наука свѣтская подавали другъ другу руку въ дѣлѣ умственнаго и нравственнаго образованія юношества, и эта связь двухъ столь различныхъ по духу и характеру

¹⁾ Garnier, t. II, p. 179 —Твор. VIII, стр. 350.

вліяній способствовала болѣе полному и многостороннему развитію молодыхъ людей. Отсюда становится понятнымъ то множество цитатъ изъ древне-греческихъ поэтовъ и прозаиковъ, какое встрѣчаемъ въ сочиненіяхъ церковныхъ писателей этого времени, та масса прямыхъ и косвенныхъ заимствованій изъ классиковъ, какая зачастую обнаруживается въ христіанскихъ разработкахъ темъ, затронутыхъ уже тѣмъ или другимъ языческимъ авторомъ. Если юноша, выросшій въ христіанскомъ семействѣ, не думалъ посвятить себя исключительно служенію Церкви; если онъ къ тому же происходилъ изъ богатой и знатной фамиліи, и ему предстояло современемъ занять болѣе или менѣе выдающееся положеніе въ общественной жизни, то онъ не могъ довольствоваться тѣмъ элементарнымъ образованіемъ, которое получалъ дома, въ семьѣ, подъ руководствомъ отца, матери или взрослыхъ братьевъ и сестеръ, но долженъ былъ поступить въ какую-либо свѣтскую школу, даже побывать въ двухъ или трехъ и завершить свое образованіе въ одномъ изъ большихъ центровъ просвѣщенія,—въ Аѳинахъ, Александріи, Антиохіи или Византіи. Аѳины въ четвертомъ вѣкѣ не утратили еще своей прежней репутаціи любимаго мѣстопребыванія музъ и привлекали, какъ и въ древнее время, толпы учащейся молодежи. Къ аѳинскимъ софистамъ и реторамъ шли, какъ у насъ идутъ къ нѣмцамъ, за послѣднимъ словомъ науки со всѣхъ сторонъ,—изъ Азіи и съ европейскаго запада. Здѣсь сталкивались самые разнообразные элементы. Здѣсь, въ этомъ сердцѣ Греціи, подъ смягчающимъ вліяніемъ чисто греческой среды, характеръ суроваго римлянина терялъ значительную долю своей природной жесткости, изнѣженный житель востока научался цѣнить умѣренность и простоту и пріобрѣталъ вкусъ къ изящному. Здѣсь звучали голоса послѣднихъ корифеевъ язычества, здѣсь читали лекціи реторики и философіи Либаній, Гимерій и Темистій, отсюда вынесъ Юліанъ свою идею реорганизаціи политизма на новыхъ философскихъ началахъ,—словомъ, здѣсь продолжала кипѣть работа мысли, продолжали царить высшіе духовные интересы надъ пошлостью обыденной жизни, и эти интересы связывали съѣхавшихся съ разныхъ концовъ Римской

имперіи молодыхъ людей узами самой искренней, теплой привязанности. Оставляя Аѳины по окончаніи курса наукъ, они проливали горькія слезы и навсегда сохраняли свѣтлое воспоминаніе объ этомъ городѣ, еще сіявшемъ лучами своей прежней славы, еще не утратившемъ обаянія своего великаго прошлаго.

Цикль научныхъ предметовъ, входившихъ въ программу высшаго образованія, котораго искали чужеземцы въ Аѳинахъ, завершала собою философія. Изученіе литературныхъ знаменитостей, грамматическія и діалектическія упражненія, лекціи реторовъ,—все это служило собственно лишь подготовленіемъ къ философскимъ занятіямъ. Пытливый умъ грека, уже болѣе, чѣмъ за полъ-тысячи лѣтъ до Р. Х., начавшій углубляться въ метафизическіе вопросы о сущности вещей, о бытіи и небытіи и т. п., во времена Василія Великаго болѣе, чѣмъ когда-либо, интересовался рѣшеніемъ проблемъ этого рода. Переживаемая въ ту пору греко-романскимъ міромъ борьба философскихъ и религіозныхъ ученій естественно поддерживала въ обществѣ интересъ къ высшимъ вопросамъ вѣры и философіи, къ труднымъ проблемамъ онтологіи и догматическимъ тонкостямъ. Этотъ интересъ сказывался и въ жаркихъ преніяxъ на улицахъ и площадяхъ, и въ школьныхъ лекціяхъ, и въ массѣ полемическихъ сочиненій, изъ которыхъ многія дошли до насъ. Никто не отступалъ передъ попыткой понять и истолковать непостижимое, примирить съ требованіями человѣческаго разума тайны божественнаго откровенія, и, разумѣется, каждый дѣлалъ это по своему.

Греческая философія IV вѣка запечатлѣна мистическимъ характеромъ. Въ то время философія не различалась отъ теологіи, и монахи именовали себя философами, тогда какъ философы по профессіи носили названіе теологовъ ¹⁾. Это было время, когда, по выраженію Целлера, „неоплатонизмъ впервые рѣшительно отдалъ себя на служеніе религіи и изъ философскаго ученія сдѣлался теологическою доктриною“ ²⁾. Неопла-

¹⁾ Etude historique et littéraire sur S-t. Basile par E. Fialon. Paris 1869 p. 228.

²⁾ Zeller, Die Philosophie der Griechen, Leipzig, 1868. III, 2, S. 646.

тоники проникли всюду: они учили и въ Римѣ, и въ Александріи, и въ Аѳинахъ, и въ Константинополѣ. Молодежь съ глубокимъ интересомъ прислушивалась къ ихъ туманному ученію, ища отвѣта на волновавшіе ея умъ метафизическіе и нравственные вопросы въ философской системѣ, гдѣ страннымъ образомъ сочеталась Платонова идеологія съ физикою Аристотеля, стоическая этика съ мистическими ученіями востока. Курсъ неоплатонической философіи распался на три отдѣла,—логику, физику и практику. Въ логикѣ трактовали объ истинномъ, вѣроятномъ и кажущемся; физика заключала въ себѣ теологію, математику и теорію идей; практика обнимала этику, экономику и политику. Такимъ образомъ, начиная съ проблемъ метафизическихъ, философія переходила къ вопросамъ высшей морали и пыталась опредѣлить, въ чемъ состоитъ назначеніе человѣка и каковы его обязанности къ себѣ самому, къ семьѣ и обществу. На всемъ однако лежалъ отпечатокъ того религіозно-философскаго синкретизма, который породило эклектическое направленіе, выработавшееся въ греческой философіи за два послѣднія дохристіанскія столѣтія и въ описываемую эпоху ставшее господствующимъ.

Въ твореніяхъ св. Василия Великаго, изъ коихъ къ нѣкоторымъ мы обратимся на слѣдующихъ страницахъ, вліяніе современной ему греческой школы оставило весьма замѣтные слѣды. Происходя изъ довольно знатной Каппадокійской фамиліи, онъ получилъ блестящее по своему времени образованіе, слушалъ лекціи константинопольскихъ и аѳинскихъ знаменитостей, увлекался ими и самъ въ продолженіе нѣкотораго времени преподавалъ съ большимъ успѣхомъ реторику въ Кесарійской школѣ. Нельзя, слѣдовательно, удивляться тому, что въ его письмахъ встрѣчаются цитаты изъ Гомера и другихъ греческихъ поэтовъ, что въ его экзегетическихъ и философскихъ трудахъ проглядываетъ близкое знакомство съ Платономъ, Аристотелемъ и Плотинемъ, что его бесѣды иногда представляютъ не болѣе какъ попытку съ христіанской точки зрѣнія рѣшить одинъ изъ этическихъ вопросовъ, намѣченныхъ Плутархомъ въ его „Moralia“. При ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что, черпая изъ греческихъ авторовъ идеи, образы, сравненія, онъ

никогда не унижался до рабскаго заимствованія или подражанія, но на все налагалъ печать самостоятельной и оригинальной работы мысли, всему сообщалъ черты своей индивидуальности. Чтеніе классиковъ только вдохновляло его къ литературной дѣятельности и давало извѣстное направленіе его личному творчеству.

Въ настоящемъ очеркѣ предполагается выяснитъ отношеніе Василія Великаго къ Плутарху Херонейскому. Быть можетъ, еще и нынѣ недостаточно хорошо понимается вся сила того вліянія, какое суждено было оказывать на грядущія поколѣнія этому писателю. не блещущему, повидимому, ни изяществомъ рѣчи, ни геніальностью и самостоятельностью мыслей, ни новизною темъ, ни даже ученостью въ собственномъ смыслѣ, такъ какъ нельзя назвать ученостью его обширную энциклопедическую образованность. Тайна этого вліянія заключается, помимо внѣшняго интереса содержанія, главнымъ образомъ въ той внутренней правдѣ, которою проникнуты его сочиненія, въ той сердечной теплотѣ и искренности тона, какими запечатлѣнъ его разсказъ, въ благородствѣ и возвышенности его міросозерцанія, въ философскомъ спокойствіи и безпристрастіи его сужденій. Заставивъ исторію служить дѣлямъ этики, онъ занялъ мѣсто въ ряду надежнѣйшихъ руководителей юношества и уже въ древности былъ однимъ изъ наиболѣе читаемыхъ и изучаемыхъ въ школахъ авторовъ. Исторія всеобщей литературы можетъ привести цѣлый рядъ именъ болѣе или менѣе выдающихся писателей, воспитавшихся на сочиненіяхъ Плутарха. Такъ напр., уже Элій Аристидъ и Полианъ находились подъ сильнымъ его вліяніемъ, Авлъ Геллій многократно на него ссылается, Галенъ такъ же; Атеней и философы Александрійской школы, какъ напр., Порфирій и Прокль, заимствуютъ изъ его произведеній не только частныя мысли, но и цѣлыя очерки, вносимые ими почти безъ измѣненій въ свои сочиненія; Эвнаний, Макробій, а въ особенности Евсевій, Сопатеръ, Стобей, Макарій Хрисокефаль и др. пользуются Плутархомъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ; его идеи и образы кладутъ свой отпечатокъ на творенія Климента Александрійскаго и многихъ другихъ церковныхъ писателей; его повѣствованія даютъ обиль-

ный матеріалъ византійскимъ компиляторамъ ¹⁾; наконецъ въ новѣйшее время подъ его вліяніемъ создаетъ Шекспиръ своего „Юлія Цезаря“ и „Коріолана“; ему посвящаетъ Монтень нѣсколько блестящихъ страницъ своихъ „Опытовъ“, имъ вдохновляются Монтескье и Жанъ-Жакъ Руссо. Этические трактаты Плутарха были переводимы на арабскій и сирійскій языки ²⁾. Его авторитетное имя заслонило отъ насъ подлинныя имена авторовъ множества философскихъ произведеній, которыя потомство, въ знакъ своей благосклонности къ этому популярному писателю, приписало ему, подобно тому, какъ Гомеру оно приписало не принадлежащіе ему гимны и „Маргита“, а Платону—десять полтора чужихъ діалоговъ.

Плутархъ и Василій Великій являются современниками двухъ крайнихъ моментовъ развитія того умственного движенія, которое выразилось въ системѣ неоплатонизма. Это движеніе началось задолго до Аммонія Сакка и Плотина. Первые признаки его оказались уже въ сочиненіяхъ Аттика, Гарпократіона, Тавра, особенно же Нуменія, Апулея и Максима Тирскаго. Оно проявилось прежде всего въ томъ интересѣ, который стала возбуждать въ лучшей части образованнаго общества теологическая и этическая сторона Платоновой философіи. Люди, здравый смыслъ которыхъ не могъ примириться съ бездушными и грубыми формами греко-римскаго политеизма, но въ сердцѣ которыхъ не умерла еще потребность вѣры, искали удовлетворенія этой потребности въ Платоновомъ идеализмѣ. Подъ вліяніемъ возвышенныхъ понятій Платона о Божествѣ жажда истиннаго богопознанія возрастала, и вотъ мы видимъ цѣлый рядъ болѣе или менѣе удачныхъ попытокъ истолковать, дополнить и развить мысли Платона о Богѣ, о душѣ, о мірѣ. Являются комментаріи на относящіеся сюда діалоги его; являются

¹⁾ Обо всемъ этомъ смотри Volkman, „Leben, Schrieftn und Philosophie des Plutarch von Chàronea, 2-te Ausg. Berlin 1873. B. I, S. 94 ff.

²⁾ На арабскій языкъ переведены сочиненія: de placitis philosoph., de coh. ira, de inimic. util, de virt. morali. На сирійскій языкъ были переведены „de coh. ira“ и утраченный въ настоящее время въ оригиналѣ трактатъ περὶ ὑπομεταστάσεως. См. Wenrich, De auctorum graecorum versionibus et commentariis Syr. Arab. Armen. Pers. commentatio. Lips. 1842. p. 225.—Volkman, op. t. I, p. 105

трактаты, опредѣляющіе отношеніе его философіи къ философіи Аристотеля; является, наконецъ, цѣлая масса простыхъ и безпритязательныхъ сочиненій, имѣющихъ цѣлью лишь подготовить новичковъ въ дѣлѣ философскаго мышленія къ изученію системы Платона, или популярно излагающихъ наиболѣе темныя стороны этой системы. Среди такихъ популяризаторовъ платонизма Плутархъ Херонейскій занимаетъ самое видное и почетное мѣсто.

Слѣдуя частью собственной склонности, частью увлеченный общимъ направленіемъ времени, Плутархъ останавливается по преимуществу на вопросахъ религіи и этики, которые, по его мнѣнію, составляютъ центральный пунктъ всякой философіи. Стремленіе къ истинѣ для него есть стремленіе къ богопознанію, а богопознаніе—величайшій даръ, какой только можетъ человѣкъ получить отъ Божества. Этотъ даръ однако есть актъ совершенно свободной воли Божества, которое сообщаетъ человѣку всѣ прочія блага, какъ нѣчто внѣшнее, истину-же удѣляетъ ему какъ-бы изъ собственнаго естества ¹⁾. Человѣческій разумъ безсиленъ въ рѣшеніи важнѣйшихъ теологическихъ вопросовъ; въ этомъ дѣлѣ для него необходима поддержка и помощь свыше. Молитва, воздержаніе отъ страстей, отъ излишествъ въ пищѣ, отрѣшеніе отъ всякихъ житейскихъ заботъ и попеченій открываетъ ему путь къ вѣдѣнію Высочайшаго, приготавливаетъ его къ познанію божественной истины ²⁾. Если душа привыкаетъ, вслѣдствіе сильныхъ ощущеній радости или страданія, относиться къ измѣнчивому и преходящему, какъ къ существу, то она становится слѣпою для истинно сущаго; она теряетъ тотъ органъ, то око, которое стоитъ тысячи тѣлесныхъ очей, которымъ однимъ можно созерцать божественное. Наоборотъ, когда взоръ отъ Божества обращается къ міру, какъ къ Его созданію, то человѣкъ ощущаетъ высшее религіозно-эстетическое удовлетвореніе: міръ является тогда для его частой души достойнымъ храмомъ Божества и откровеніемъ божественнаго духа, въ немъ разлитаго и имъ управ-

¹⁾ De Iside et Osir. cap. I (Plutarchi Moralia, edit. Didot, Parisiis. 1841. Vol. I, p. 430).

²⁾ Ibidem.

ляющаго. Собственная практическая дѣятельность человѣка, проявляющаяся въ этомъ мірѣ, имѣетъ тогда прочное и надежное нравственное основаніе ¹⁾.

Эти мысли еще далеки отъ неоплатоническаго мистицизма. Съ свойственною ему ясностью взгляда Плутархъ не пошелъ еще въ своихъ умосозерцаніяхъ дальше молитвеннаго возношенія души къ Богу и умѣренной аскетике. Но уже ближайшіе послѣдователи его были менѣе осторожны въ этомъ отношеніи. Признавая божественное происхожденіе души и разсматривая матерію, какъ зло (Цельзъ), тѣло, какъ темницу души (Нуменій), они стали на ту дорогу, которая современемъ должна была повести къ динамическому пантеизму неоплатониковъ....

Плутархъ жилъ и дѣйствовалъ въ концѣ перваго и началѣ втораго столѣтія по Р. Х.; въ слѣдующемъ затѣмъ столѣтіи неоплатонизмъ достигаетъ въ лицѣ Плотина и Порфирія своего высшаго пункта; ко времени-же Василія Великаго поступательное развитіе его вполне заканчивается. Въ это время, по словамъ Вашеро (автора книги „Histoire critique de l'École d'Alexandrie“), „процессъ творчества уже завершился, и на смѣну его явились полемика и комментированіе“. Въ школахъ, какъ я сказалъ, неоплатоническая философія продолжала господствовать, но преподаватели ея ограничивались сообщеніемъ того, что было выработано ихъ предшественниками, и ничего или почти ничего не прибавляли къ ихъ работѣ. Отъ Григорія Назіанзина мы узнаемъ, что Василій Великій тщательно изучилъ всѣ части этой философіи, былъ прекрасно знакомъ и съ мистицизмомъ Плотина, и съ теургіею Ямвлиха и серьезно увлекался философскими занятіями, успѣхами въ которыхъ превосходилъ всѣхъ своихъ школьныхъ товарищей. Его глубокій, проницательный умъ обладалъ всѣми свойствами, необходимыми для этихъ занятій, а присущая ему отъ природы активность не допускала механическаго воспріятія готовыхъ доктринъ, побуждая взвѣшивать изучаемыя философемы на вѣсахъ

¹⁾ De tranquil. animi, cap. XIX (Didot, I, p. 578). О религіозныхъ воззрѣніяхъ Плутарха см. главнымъ образомъ прекрасное сочиненіе: Dr. Wilhelm Möller, Ueber die Religion Plutarchs. Rede beim Antritt des Rectorats. Kiel. 1881. Также: Zeller, Die Phil. d. Gr. III, 2, S. 148 ff.; Volkman, op. l. II, p. 247—323.

собственнаго разума, подвергать ихъ самостоятельному изслѣдованію. Такое изслѣдованіе не разъ приводило его къ горькому разочарованію, не разъ заставляло усумниться въ возможности и пользѣ философствованія. Къ счастью всякія крайности были противны его натурѣ, и онъ сумѣлъ остаться философомъ, не переставая быть христіаниномъ, сумѣлъ примирить Платона съ Библіею.

Платонъ былъ безъ сомнѣнія для Василія Великаго наиболѣе симпатичнымъ изъ всѣхъ мыслителей древности, и въ этой симпатіи кроется, между прочимъ, причина той близкой связи, которую не трудно открыть между сочиненіями Василія Великаго и сочиненіями Плутарха,—этого популярнаго платоника. Не касаясь покамѣстъ частныхъ, укажемъ сперва на единство нѣкоторыхъ ихъ общихъ воззрѣній.

Оба они сходятся между собою прежде всего въ томъ, что и тотъ, и другой разсматриваютъ теологію, какъ высшую и единственную цѣль философіи, а философію, какъ вѣнецъ всѣхъ научныхъ занятій ¹⁾. По Плутарху, „стремленіе къ истинѣ въ томъ, что касается боговъ, есть уже стремленіе къ самому Божеству, есть какъ-бы предвосхищеніе божественной святости путемъ изученія и изслѣдованія,—дѣло болѣе благочестивое, нежели всякія религіозныя очищенія и служеніе въ храмахъ“ ²⁾. Въ человѣческой душѣ оба они различаютъ высшую духовную способность,—разумъ (*τὸ λογικόν*), стремящійся къ истинному и прекрасному, и чувственность, „силу страстную и неразумную, которая должна повиноваться и покоряться разуму“; разумъ есть божественное въ насъ, и, слѣдуя его предписаніямъ, мы слѣдуемъ внушеніямъ самого Божества; онъ одинъ *существенно* принадлежитъ намъ, а потому о немъ одномъ должны мы заботиться, доставляя тѣлу лишь самое необходимое и такимъ образомъ „содѣлывая его неодолимымъ для страстей“ ³⁾. Разумъ движетъ насъ къ богопознанію; но, устремляясь мыслью

¹⁾ Срав. напр. Plut. de def. orac., 2 (Didot, I, p. 500) и S. Basilii op. II, p. 174.

²⁾ De Is. et. Osir. 2 (Didot, I p. 430).

³⁾ Didot, I, p. 74 (de adul. et am. 20); p. 46 (de audiendo, 1); p. 972 (de tranquill. an. 13), Basilii op. t. II, p. 18 sq. (Твор. VIII, стр. 34 сл.); p. 184 sq. (Твор. стр. 359 сл.).

къ Богу, мы, проникнутые сознаниемъ своей слабости, своего ничтожества, не можемъ сказать о Немъ ничего кромѣ того, что Онъ есть единый истинно сущій, чуждый условій времени и пространства, чуждый всякаго измѣненія и преходимости ¹⁾. Теряясь въ противорѣчiяхъ, когда дѣло коснется объясненія различныхъ явленій природы, мы, естественно, еще болѣе должны быть осторожны въ сужденiяхъ о вещахъ божественныхъ. Для насъ, ограниченныхъ смертныхъ, обнять умомъ божественное, по мнѣнiю Плутарха, значить тоже, что судить объ идеѣ художника по догадкамъ и предположенiямъ, будучи невѣждою въ его искусствѣ ²⁾. „Непрестанно памятовать о Богѣ, говоритъ Василiй Великiй, благочестиво, и въ этомъ боголюбивая душа не знаетъ сытости, но описывать словомъ божественное дерзко..... Чѣмъ кто болѣе, повидимому, преуспѣетъ въ вѣдѣнiи, тѣмъ болѣе восчувствуетъ свою немощь“.... Впрочемъ изъ этого не слѣдуетъ, что должно совсѣмъ отказаться отъ рѣшенiя теологическихъ вопросовъ; напротивъ, люди, которые подобно эпикурейцамъ проповѣдуютъ полный индифферентизмъ къ богамъ и религiи, не знаютъ подлинно,— читаемъ у Плутарха,—ни надежды, ни радости, ни увѣренности въ счастiи, ни утѣшенiя въ несчастiяхъ ³⁾. Подобно этому Василiй Великiй высказываетъ убѣжденiе, что, хотя-бы мы и не постигли тайнъ божественной премудрости, но уже за одно намѣренiе приблизиться къ истинному богопознанiю у Праведнаго Судии назначена немаловажная награда ⁴⁾.

Подобно Плутарху Василiй Великiй съ особеннымъ предпочтенiемъ останавливается на этическихъ темахъ. Пороки его современниковъ нерѣдко побуждаютъ его въ церковныхъ бесѣдахъ затрогивать различные нравственные вопросы и иногда тѣ самые вопросы, на которыхъ въ свое время останавливался Херонейскiй философъ-моралистъ. Василiй Великiй при этомъ какъ-бы практически слѣдуетъ тому наставленiю, которое Плу-

¹⁾ Plut. de ei Delph. 20 (Didot, I, p. 479). Basilii op. II, p. 130 sq. (Твор. III, 258 сл.)

²⁾ De sera num. vind. 4 (Didot, I, p. 665).

³⁾ Non posse suav. vivi sec. Ep. 20 (Didot, II, p. 1346).

⁴⁾ „Шестодневъ“, 2-я бесѣда, init.

тархъ даетъ въ своемъ трактатѣ „de audiendo“, и, заимствуя у него содержаніе, „иное дополняетъ, иное исправляетъ, иное выражаетъ иначе, наконецъ иное и вовсе заново разрабатываетъ“ ¹⁾. Зачастую то, что у Плутарха служитъ предметомъ спеціального трактата,—у Василя Великаго резюмируется въ нѣсколькихъ строчкахъ или принимаетъ видъ небольшого размышленія но бываетъ и такъ, что одна фраза, одинъ небольшой отрывокъ изъ Плутарха развиваются Кесарійскимъ проповѣдникомъ въ цѣлую бесѣду. Сравненія, дѣлаемыя Плутархомъ, Василій Великій иногда повторяетъ дословно; иногда-же, давъ волю фантазіи, пополняетъ, украшаетъ и видоизмѣняетъ до неузнаваемости. Словомъ, здѣсь мы имѣемъ дѣло съ результатомъ самостоятельной работы сильного ума, возбуждаемаго къ дѣятельности интереснымъ чтеніемъ любимаго автора и по привычкѣ, приобрѣтенной еще въ школѣ, провѣряющаго мысли языческаго философа съ христіанской точки зрѣнія.

Изъ твореній Василя Великаго, состоящихъ въ непосредственной связи съ этическими разсужденіями Плутарха, обыкновенно указываютъ только на двѣ бесѣды, а именно бесѣду „на окончаніе четырнадцатаго псалма“ и „къ юношамъ о томъ, какъ пользоваться языческими сочиненіями“. Ниже мы однако увидимъ, что къ сравненію могутъ быть привлечены и нѣкоторыя другія его произведенія.

Бесѣда „о томъ, какъ пользоваться языческими сочиненіями“ по содержанію своему напоминаетъ трактатъ Плутарха „de poëtis audiendis“, но отличается отъ послѣдняго тѣмъ, что не ограничивается одними поэтами, а обнимаетъ и прозаиковъ. Оба разсужденія вызваны господствовавшимъ въ школѣ Платона и Плотина воззрѣніемъ на эстетически-прекрасное, какъ на низшую лишь ступень этически-прекраснаго ²⁾, и, слѣдовательно, оба имѣли въ свое время важное педагогическое значеніе. Въ основаніи обоихъ лежитъ любимая мысль сравниваемыхъ нами авторовъ о превосходствѣ философіи (и теологіи, какъ ея средоточнаго пункта) надъ всѣми прочими областями человѣческаго знанія. Оба написаны живымъ и легкимъ язы-

¹⁾ Didot, I, 49.

²⁾ Volkmann, Leben, Schr. u. Phil. d. Plut., II, S. 323.

комъ, снабжены массою примѣровъ и иллюстрацій, свидѣтельствующихъ о громадной начитанности ихъ авторовъ, и блестятъ обиліемъ остроумныхъ и мѣткихъ сравненій.

Плутархъ и Василій Великій исходятъ изъ того положенія, что произведенія греческой литературы,—и въ частности произведенія поэтическія,—заключаютъ въ себѣ много вреднаго, много ложнаго, много безнравственнаго, такъ что, приступая къ ихъ изученію, нужно заранѣе освоиться съ приѣмами этической критики. Оба сравниваютъ чтеніе поэтовъ съ удовольствіемъ, получаемымъ отъ вкусной пищи, и настаиваютъ на необходимости различать и въ томъ, что питаетъ нашу душу, здоровое отъ нездороваго ¹⁾. Они вспоминаютъ при этомъ объ Одиссеѣ, который заткнулъ своимъ спутникамъ уши воскомъ, чтобы оградить ихъ слухъ отъ обольстительнаго пѣнія сиренъ; подобнымъ-же образомъ и юноша долженъ пропускать мимо ушей непристойныя и безстыдныя рѣчи ²⁾. Привычка къ дурнымъ словамъ незамѣтно ведетъ и къ дурнымъ дѣламъ; сладострастная музыка, позорныя пѣсни и безнравственные разговоры вносятъ въ нравы и жизнь разлагающее начало, портятъ и развращаютъ людей ³⁾. Только растворяя поэтическій вымыселъ философскимъ размышленіемъ и привыкая отыскивать въ пріятномъ полезное, можно уберечься отъ зла, „ибо и пчелы не на всѣ цвѣты равно садятся и съ тѣхъ, на какіе нападутъ, не все стараются унести, но, взявъ, что пригодно на ихъ дѣло, прочее оставляютъ нетронутымъ“ ⁴⁾.

Чего-же мы должны избѣгать въ поэтическихъ произведеніяхъ?—Прежде и старательнѣе всего—ложныхъ представленій о Божествѣ. Въ вопросахъ религіи и философы теряютъ голову, хотя они посвящаютъ себя исключительно познанію сущаго; что-же касается поэтовъ, то они сплошь и рядомъ частью намѣренно, частью невольно вводятъ насъ въ самыя грубыя заблужденія. Они описываютъ непрерывныя распри

¹⁾ Plut. de p. aud. 1; S. Bas. II, p. 184.

²⁾ Plut. l. I. S. Bas. ibid. p. 175.

³⁾ Plut. de p. aud. 4 (Didot, I, p. 23), 8 ad fin. (p. 34.)—S. Bas. ibid. p. 175, 188 (Твор. VIII, стр. 348, 360).

⁴⁾ S. Bas. op. II, p. 176 (Твор. VIII, стр. 349). Plut. de p. aud. 1 ad fin. 12 init.

боговъ, говорятъ объ ихъ любовныхъ похожденияхъ, о пышныхъ пиршествахъ; стремясь внести въ свои стихотворенія побольше разнообразія, занимательности и движенія, они представляютъ боговъ со всѣми недостатками человѣческой природы, забывая о томъ, что Божеству присуще безстрастіе и непогрѣшимость ¹⁾. Да и при изображеніи людей они зачастую останавливаются не на лучшихъ ихъ сторонахъ. Было-бы очень ошибочно видѣть въ ихъ герояхъ идеаль возможнаго для человѣка совершенства. Поэзія есть искусство подражательное; она воспроизводитъ жизнь такую, какова она въ дѣйствительности. Поэтому слѣдуетъ остерегаться, чтобы, увлекшись прекрасною формою поэтическаго произведенія, „незамѣтно не принять чего-нибудь худаго, какъ иные съ медомъ глотаютъ ядовитыя вещества“. Иногда нравственные принципы самихъ поэтовъ не отличаются достаточною чистотою: они нерѣдко „взлословятъ и насмѣхаются“, „ограничиваютъ блаженство раздольнымъ столомъ и разгульными пѣснями“ ²⁾ и проч.

Напротивъ должно останавливаться на тѣхъ мѣстахъ изучаемыхъ сочиненій, гдѣ восхваляется добродѣтель и порицается порокъ. Примѣры доблестныхъ мужей должны насъ побуждать къ соревнованію; ихъ подвиги и изрѣченія слѣдуетъ запоминать и въ соответствующихъ случаяхъ жизни принимать къ руководству. Такъ воспоминаніе объ Ахиллѣ, подавляющемъ свой гнѣвъ въ присутствіи Пріама,—Периклѣ, провожающемъ своего поносителя со свѣтильникомъ до дома,—Эвклидѣ Мегарскомъ, Сократѣ и др. можетъ остановить человѣка въ минуту раздраженія и, если не совершенно обуздать его страсть, то по крайней мѣрѣ сдержатъ ее въ должныхъ границахъ. Подобнымъ-же образомъ люди, равнодушные къ вину и женщинамъ, примѣрами трезвости и цѣломудрія могутъ быть отклонены отъ излишествъ въ этомъ отношеніи ³⁾. Кто старается извлечь для себя пользу изъ всего, въ томъ, какъ въ большихъ рѣкахъ, отовсюду понемногу прибываетъ многое ⁴⁾. Этическое толкованіе поэтовъ подготавливаетъ душу

¹⁾ Plut. *ibid.*, 2 ad fin., 7 ad fin.; S. Bas. *ibid.*

²⁾ Plut. *ibid.* 8; S. Basil. *ibid.*

³⁾ Plut. *ibid.* 11; S. Basil. II, p. 179. (Твор. VIII, стр. 354 сл.).

⁴⁾ S. Basil. II, p. 184. (Твор. VIII, стр. 365).

юноши къ философскимъ занятіямъ и движеть къ нимъ. Онъ, какъ-бы привыкнувъ такимъ образомъ смотрѣть на солнце въ водѣ, обращаетъ наконецъ свои взоры къ самому свѣтилу ¹⁾).

Впрочемъ, будучи совершенно сходны между собою по идеѣ и содержанію, оба сравниваемые произведенія различаются въ нѣкоторыхъ частностяхъ, и это различіе иногда весьма характерно для ихъ авторовъ. Плутархъ напр., говоря о поэзии, не находитъ возможнымъ совершенно обойти теоретическую сторону предмета и довольно подробно распространяется о свойствахъ поэтическаго языка (шестая глава); Василия Великаго напротивъ занимаетъ одна только реальная сторона. Плутархъ въ своемъ трактатѣ „de poëtis audiendis“ отъ начала до конца сохраняетъ тонъ старшаго и болѣе опытнаго совѣтника; въ бесѣдѣ Василия Великаго съ перваго слова слышится не только пастыръ и наставникъ, но и властный обличитель общественныхъ пороковъ. Плутархъ считаетъ для своей цѣли вполне достаточнымъ, если въ произведеніяхъ поэтовъ ему удастся найти возбужденіе для нравственной дѣятельности наставляемаго имъ юношества; цѣль Василия Великаго шире: онъ ищетъ въ языческихъ книгахъ оправданіе для христіанскаго ученія о нравственности и старается доказать, что заповѣди Спасителя не требуютъ отъ человѣка ничего невозможнаго, что онѣ находятся въ полномъ согласіи съ человѣческой природою, что, слѣдуя внушеніямъ самой этой природы, лучшіе люди и въ языческомъ мірѣ поступали такъ, какъ будто имъ были извѣстны Христовы заповѣди.

Еще ближе стоятъ одно къ другому два другія произведенія нашихъ авторовъ,—Плутарховъ трактатъ „de vitando aere alieno“ и бесѣда Василия Великаго „на окончаніе четырнадцатаго псалма“. Въ этой бесѣдѣ, по словамъ Фіалона, „устами Василия съ христіанскою кафедрой въ сущности говоритъ Плутархъ, хотя его мысли, его образы, даже самыя его выраженія столь естественно перемѣшиваются съ мыслями, образами и выраженіями оратора и до такой степени сохраняютъ отпечатокъ его стиля, что нигдѣ нельзя замѣтить простаго заим-

¹⁾ Plut. ibid. 14 ad fin., S. Basil. II, 174.

ствованія и, читая бесѣду, вы нисколько не подозрѣваете того, что она переполнена чужими красотами“ ¹⁾. Здѣсь и тамъ вы встрѣчаете тоже содержаніе, тотъ-же планъ, тѣ-же риторическіе приемы и при всемъ томъ, сличая оба произведенія, на каждомъ шагу находите въ нихъ столько тонкихъ различій въ тонѣ, въ выборѣ доказательствъ, въ развитіи общей идеи, что говорить о простомъ подражаніи уже оказывается невозможнымъ. Ученикъ константинопольскихъ парафрастовъ превзошелъ своихъ учителей и сумѣлъ оставить слѣдъ личнаго творчества даже тамъ, гдѣ ему только пришлось ограничиться изложеніемъ чужихъ мыслей. Въ качествѣ христіанина онъ замѣнилъ ссылки на авторитетъ Св. Писанія тѣ аргументы Плутарха, которые основывались на примѣрахъ изъ греческой исторіи и мѣологіи. Въ качествѣ церковнаго проповѣдника, привыкшаго силою слова потрясать своихъ слушателей, онъ возвысился до истиннаго паюса тамъ, гдѣ Плутархъ не пошелъ дальше риторической декламации. Съ свойственнымъ восточному жителю богатствомъ фантазіи онъ украсилъ и дополнилъ сдѣланныя Плутархомъ сравненія, распространилъ его метафоры и сообщилъ его характеристикамъ драматическую живость, достойную Теофраста.

Плутархъ и Василій Великій въ названныхъ произведеніяхъ возстаютъ противъ лихоимства. Съ одной стороны они возмущаются непростительною роскошью и легкомысліемъ, побуждающими людей прибѣгать къ заимодавцамъ и принимать на себя обязательства, которыхъ они не въ состояніи выполнить, съ другой—съ самою безпощадною рѣзкостью порицаютъ профессію тѣхъ, которые на несчастіи ближняго строятъ собственное благополучіе. Наши авторы положительно убѣждены, что не бѣдность, не нищета заставляетъ человѣка дѣлать долги, а расточительность, тщеславіе, привычка жить сверхъ состоянія. Плутархъ почти въ самомъ началѣ своего трактата говоритъ: „въ наше время люди, вслѣдствіе роскоши, изнѣженности и расточительности, хотя и могутъ, не пользуются своимъ, а занимаютъ у другихъ, тогда какъ нисколько

¹⁾ Fialon, Etude hist. et littéraire sur St.-Basile, p. 196.

не нуждаются въ томъ, что это такъ, вотъ доказательство: бѣднякамъ въ долгъ никто не даетъ, а даютъ тѣмъ, которые хотятъ доставить себѣ нѣкоторый комфортъ (*εὐταρίαν τινά*); они при этомъ представляютъ надежнаго поручителя, свидѣтельствующаго, что имъ можно вѣрить,—хотя имущему совсѣмъ не слѣдовало-бы прибѣгать къ займамъ“ ¹⁾. Это мѣсто Василій Великій пополняетъ слѣдующимъ образомъ: „мы видимъ, что доходятъ до займа не тѣ, которые нуждаются въ необходимомъ (имъ никто и не повѣритъ въ долгъ), но занимаютъ люди, которые предаются безразсчетнымъ издержкамъ и бесполезной пышности, раболѣпствуютъ женскимъ прихотямъ. Жена говоритъ: „мнѣ нужно дорогое платье и золотыя вещи, сыновьямъ необходимы приличные имъ и нарядныя одежды, слугамъ надобны цвѣтныя и пестрыя одѣянія, для стола потребно изобиліе“. И мужъ, выполняя такія распоряженія жены, идетъ къ ростовщику“ ²⁾. Въ обоихъ произведеніяхъ съ необыкновенною конкретностью обрисовывается тягостное положеніе должника, тѣснимаго неумолимымъ кредиторомъ. Долгъ ведетъ ко лжи, неблагодарности, вѣроломству, клятвопреступленію ³⁾. Онъ дѣлаетъ друзей врагами, заставляетъ человѣка забывать свое достоинство, унижаться передъ рабами ⁴⁾. Тѣ, получивъ кусокъ, дѣлаются кроткими, а заимодавецъ раздражается по мѣрѣ того, какъ беретъ: онъ не перестаетъ лаять, но требуетъ еще большаго. Если клянешься,—не вѣритъ, высматриваетъ, что есть у тебя въ домѣ, вывѣдываетъ, что у тебя въ долгахъ. Если выходишь изъ дома,—влечетъ тебя къ себѣ и грабитъ. Если скроешься у себя,—стоитъ предъ домомъ и стучитъ въ двери, незоритъ тебя при женѣ, оскорбляетъ при друзьяхъ, душитъ на площади“ ⁵⁾.

¹⁾ Plut. de vit. a. a., 1, 3 (Didot, II, p. 1009).

²⁾ Твор. V, стр. 221 (ор. I, p. 112).

³⁾ Plut. ibid. V, 3; Вас. Вел. Твор. V, стр. 216 (ор. I, p. 109).

⁴⁾ Plut. ibid. VI, 1; VII, 7.—Вас. Вел. Твор. V, стр. 217 (ор. p. 109).

⁵⁾ Василій В. *ibidem*. У Плутарха это мѣсто находимъ въ слѣдующей редакціи: „убѣгай на первомъ попавшемся ослѣ или лошаке отъ испріязненнаго и жестокаго заимодавца, требующаго не земли и воды, подобно Персу, но посягающему на самую свободу, а съ нею и на честь. Если ты ему ничего не дашь, онъ къ тебѣ пристаеетъ: если имѣешь что-нибудь,—не беретъ; если продаешь ему

Чувство христіанской любви побуждаетъ Василія Великаго относиться къ несчастнымъ, попавшимъ по легкомыслію или неразсчитливости въ руки кредиторовъ, мягче, нежели то дѣлаетъ Плутархъ; за то ростовщики встрѣчаютъ въ немъ несравненно болѣе строгаго и безпощаднаго обличителя. Противъ этихъ людей, „собирающихъ со слезъ деньги“, онъ ополчается съ краснорѣчіемъ, далеко оставляющимъ за собою фразистую рѣчь Плутарха. Послѣдній заявляетъ, что ему нѣтъ повода объявлять войну ростовщикамъ, „ибо они никогда не угоняли у него ни быковъ, ни коней“, и что онъ хочетъ лишь показать тѣмъ, которые безразсудно берутъ въ займы, насколько позорно и недостойно свободно рожденнаго человѣка это дѣло ¹⁾. Василій Великій, напротивъ, не ограничивается одними совѣтами должникамъ, но вызываетъ къ совѣсти лихоимцевъ, говоритъ о поправныхъ ими заповѣдяхъ Христа, рисуетъ картину причиняемыхъ ими страданій, напоминаетъ объ ожидающемъ ихъ осужденіи. „Земледѣлецъ, говоритъ онъ, получивъ колось, не ищетъ опять подъ корнемъ сѣмени, а ты и плоды берешь, и не прощаешь того, съ чего получаешь ростъ. Ты безъ земли сѣешь; не сѣявъ, жнешь. Неизвѣстно, кому собираешь. Есть проливающій слезы отъ роста, это извѣстно; но кто воспользуется приобрѣтеннымъ чрезъ это богатствомъ,—это сомнительно. Ибо неизвѣстно, не другимъ-ли предоставишь употребленіе богатства, собравъ для себя одно зло неправды“ ²⁾.

Любопытно прослѣдить, какъ иногда образъ, едва намѣченный Плутархомъ, развивается въ устахъ Кесарійскаго проповѣдника въ цѣлую картину. Въ сочиненіи „de vitando aere alieno“ читаемъ напр.: „не прибавляй къ бѣдствіямъ нищеты затрудненій, проистекающихъ отъ займовъ и долговыхъ обяза-

что-нибудь.—сбавляетъ кѣну; не продаешь,—вынуждаетъ тебя къ тому; позовешь его въ судъ,—входишь съ тобою въ сдѣлку; станешь клясться,—принимаетъ повелительный тонъ; пойдешь къ его дверямъ,—онъ ихъ передъ тобою запираетъ: остаешься дома,—онъ оттаптываетъ тебѣ пороги и ломится въ двери“. *Plut. de vit. a. a. c. III, 5, 6. (Didot, II, p. 1010).*

¹⁾ *Plut. o. c. VI, 1.*

²⁾ *Твор. V. стр. 224 (ор. I. ор. 113).*

тельствъ; не лишаи бѣдность ея беззаботности, чѣмъ однимъ она отличается отъ богатства“¹⁾.

У Василия Великаго эти слова являются въ слѣдующемъ видѣ: „мы, бѣдные, отличаемся отъ богатыхъ однимъ—свободою отъ заботъ; наслаждаясь сномъ, смѣемся надъ ихъ безсонными ночами; не зная безпокойствъ и будучи свободны, смѣемся надъ тѣмъ, что они всегда связаны и озабочены. А должникъ—и бѣденъ, и обремененъ безпокойствами. Не спитъ онъ ночью, не спитъ и днемъ; во всякое время задумчивъ“ и т. д.²⁾ Другой примѣръ: Плутархъ, совѣтуя должнику продать свое имущество и расплатиться съ кредиторами, говорить: „ты скажешь, что это поле оставилъ тебѣ твой отецъ; но твой-же отецъ оставилъ тебѣ и свободу, и честь, и за нихъ ты подлежишь еще большей отвѣтственности“³⁾. У Василия Великаго параллельное мѣсто гласитъ такъ: „видаль я жалкое зрѣлище, какъ свободно рожденныхъ за отцовскіе долги влекли на торгъ для продажи. Ты не можешь оставить дѣтямъ денегъ? но крайней мѣрѣ не отнимай у нихъ и благородства. Сбереги для нихъ это одно достояніе—свободу, этотъ залогъ, полученный тобою отъ родителей“ и проч.⁴⁾ Оба автора требуютъ отъ людей, запутавшихся въ долгахъ, труда и настойчивости: „ласточки не берутъ въ займы, говоритъ Плутархъ, муравьи не берутъ въ займы, а имъ природа не дала ни рукъ, ни рѣчи, ни искусства“⁵⁾. Василий Великій пользуется тѣмъ-же аргументомъ: „муравей можетъ пропитаться, хотя не проситъ и не беретъ въ займы; и пчела остатки своей пищи приносить въ даръ царямъ; но имъ природа не дала ни рукъ, ни искусствъ. А ты, человѣкъ, животное изобрѣтательное на промыслы, не можешь изобрѣсти одного изъ всѣхъ промысла, чѣмъ тебѣ прожить?“⁶⁾.

Насколько вообще свободно пользовался Василий Великій тѣмъ матеріаломъ, который былъ у него подъ рукою, можно

¹⁾ VI, 3 (Didot., II, p. 1011).

²⁾ Твор. V, 218 (op. I, p. 110).

³⁾ Plut. о. с. VIII, 4 (Didot., p. 1013).

⁴⁾ Твор. 222 (op. I, p. 112).

⁵⁾ Plut. ib. VII, 2 (p. 1012).

⁶⁾ Твор. стр. 221 (op. p. 111).

видѣть и изъ другихъ его произведеній, гдѣ, правда, заимствованія, подобныя разсмотрѣннымъ, попадаютъ болѣе отрывочно, но все-же не рѣдко. Чтобы не вдаваться въ подробности, укажу для примѣра хотя-бы на тѣ мѣста изъ „Шестоднева“, которыя, повидимому, представляютъ заимствование изъ сочиненія Плутарха „de sollertia animalium“ ¹⁾. Тамъ, гдѣ Плутархъ сообщаетъ простой фактъ, Василій Великій присоединяетъ къ нему аллегорическое толкованіе; гдѣ у Плутарха лишь собраны разрозненные примѣры смысленности животныхъ, у Василія Великаго эти примѣры находятъ морально-философское объясненіе. Повсюду замѣтно то-же умѣнье созданное другими пересоздавать въ иномъ духѣ и новомъ направленіи, воспроизводить чужія мысли, но такъ, что онѣ перестаютъ быть чужими, заимствовать и подражать, продолжая оставаться самимъ собою. Болѣе всего въ этомъ отношеніи замѣчательна бесѣда Василія Великаго „на гнѣвливыхъ“, несомнѣнно написанная подъ вліяніемъ почти одноименнаго съ нею трактата Плутарха „de cohibenda ira“ и въ то-же время отличающаяся отъ этого послѣдняго настолько, насколько лишь можетъ отличаться христіанское произведеніе отъ языческой разработки той-же темы. Что касается сохранившагося у Стобея отрывка другаго Плутархова трактата „κατὰ πλοῦτος“ (противъ обогащенія), то къ сожалѣнію онъ такъ незначителенъ по своимъ размѣрамъ, что не даетъ возможности судить объ отношеніи его къ бесѣдѣ Василія Великаго на „обогащающихся“.

Василій Великій, подобно Плутарху, не всегда издавалъ свои произведенія въ совершенно законченномъ и обработанномъ видѣ. Отчасти недостатокъ времени, занятаго другими работами, отчасти привычка говорить передъ болѣе или менѣе многочисленною аудиторіею и, какъ слѣдствіе этой привычки, увѣренность въ своемъ краснорѣчій побуждали того и другаго импровизировать на свободно избранныя этическія темы и затѣмъ наскоро записывать эти импровизаціи по памяти или

¹⁾ Срв. Nehameron, VII, 3; VII, 5; IX, 3; VIII, IX, 3 и 4 съ Plut. de sol. an., XXVII, 5—7, XIV, 10; XXVIII, 2 XXXV, 7—8; XX, 2; XX, 3; XI, 5; XIII, 5 (по изданію Didot., p. 1174 s. 2).

замѣткамъ слушателей. Такъ возникли напр. сочиненія Плутарха „de poetis audiendis“, „de audiendo“, „de capienda ex inimicis utilitate ¹⁾), таково-же большею частью и происхождение бесѣдъ св. Василия ²⁾). Этотъ способъ творчества, естественно, долженъ былъ сказаться въ нѣкоторой небрежности изложенія, въ нѣкоторыхъ неровностяхъ стили, въ попадающихся тамъ и сямъ повтореніяхъ, въ отсутствіи строгой выдержанности тона. Нужно замѣтить, что какъ Плутархъ, такъ и Василій Великій на первомъ планѣ ставили содержаніе литературнаго произведенія, а формѣ его придавали значеніе второстепенное. Правда, какъ дѣти своего вѣка, они оба не были свободны отъ риторической изысканности рѣчи, но не хлопотали объ однихъ внѣшнихъ эффектахъ. Главною задачею, которую они преслѣдовали въ своей общественной и литературной дѣятельности, было распространеніе въ массѣ здравыхъ понятій о нравственности и того, что каждый изъ нихъ считалъ истиннымъ въ религіи. Поэтому, если предметъ былъ особенно важенъ, они рѣшались иногда, уступая потребностямъ времени, выпускать въ свѣтъ сочиненія, не получившія еще окончательной отдѣлки со стороны формы. Впрочемъ вообще, хотя наши авторы оба уже далеко отошли отъ классической *gracitas*, слогъ Василия Великаго по своей силѣ, живости, образительности и ясности значительно превосходитъ тяжелый и запутанный слогъ Плутарха. Рѣчь Василия Великаго течетъ плавно, обилуетъ поэтическими выраженіями, блещетъ метафорами; его періоды стройны и гармоничны, его конструкции разнообразны и правильны, слова подобраны удачно и всегда точно выражаютъ его мысль. Наоборотъ Плутархъ утомляетъ читателя слишкомъ длинными и неуклюжими періодами, трудною и необыкновенною постановкою словъ, употребленіемъ рѣдкихъ и вычурныхъ выраженій; онъ любитъ смѣлыя словообразованія, и, хотя старательно избѣгаетъ зіянія, однако рѣчь его не гармонична и шероховата.

Судьба опредѣлила Плутарху и Василю Великому имѣть почти одинаковое значеніе въ исторіи ихъ родныхъ городовъ.

¹⁾ Volkmanu, o. s. l. I, p. 65.

²⁾ Fialon, o. s. l. p. 183.

Какъ въ имени Плутарха сосредоточено все, чѣмъ гордится Херонея, за все свое многовѣковое существованіе не давшая Греціи другаго выдающагося дѣятеля, такъ именемъ Василія Великаго исчерпывается все, чѣмъ славна Кесарія Каппадокійская. Области, въ которыхъ лежатъ эти города, пользовались въ древности весьма нелестною репутаціею: населеніе Беотіи было извѣстно своею лѣнью, обжорствомъ, тупоуміемъ; жители Каппадокіи—своимъ коварствомъ, дерзостью, безстыдствомъ, низостью. Однако, не увлекаясь блескомъ шумныхъ столицъ древняго міра, гдѣ, быть можетъ, для ихъ богатыхъ дарованій открылось-бы болѣе широкое поприще, Плутархъ и Василій Великій посвятили всѣ свои силы на служеніе родинѣ и своимъ авторитетомъ успѣли поднять ея значеніе въ глазахъ современниковъ. Каждый занималъ въ своемъ городѣ высшій духовно-административный постъ, значительно усилившій то нравственное вліяніе, какое оба они имѣли на согражданъ, благодаря своимъ личнымъ качествамъ и образованію. Оба были не только наставниками и воспитателями юношества, не только служителями религіи и практическими философами, но и людьми государственными, *ἀνδρες πολιτικοί*. Въ години бѣдствій, переживаемыхъ родиною, соотчичи ихъ привыкли искать у нихъ поддержки и утѣшенія, въ трудныхъ случаяхъ жизни прибѣгать къ нимъ за совѣтомъ и наставленіемъ. Эта характеристическая черта того и другаго, это участіе ихъ къ мѣстнымъ интересамъ, къ жизни людей, среди которыхъ протекала ихъ собственная жизнь, придаютъ характеръ особенной задушевности и искренности даже тѣмъ сочиненіямъ ихъ, которыя затрогиваютъ самыя общія нравственныя темы.

А. Деревницкій

**Издательство православной
богословской литературы
“АКСИОН ЭСТИН”
(Санкт-Петербург)**

Книги издательства “Аксион эстин” — это православные исследования, удачно сочетающие высокий научно-академический уровень и доступную форму изложения. Они будут интересны и полезны преподавателям и студентам богословских и гуманитарных ВУЗов, православных духовных академий и семинарий, всем верующим, желающим лучше понять христианское вероучение.

Посетите наш сайт в интернете по адресу:

www.axion.org.ru

На сайте:

- подробная информация о новоизданных книгах;
- возможность бесплатной загрузки большого количества электронных книг по богословию, библеистике, патрологии, которые легко читать на компьютере или распечатать на принтере;
- возможность заказать книги для доставки по почте (в том числе и электронные книги, которые высылаются на компакт-дисках).

Ваши вопросы и пожелания направляйте, пожалуйста, по электронной почте: **info@axion.org.ru**